

A cloak, mask, stone or ring will enable this.
Patience also, as you wait and watch
For the entities that swoop and soar.

You must quickly seize one of them by the foot,
grasping tightly so as to not fall.

as it carries you skyward on one of its
magic wings and then

$$V(x) = \begin{cases} 0, & x < 0 \\ V_0, & x \geq 0 \end{cases}, \quad 0 < V_0 < \frac{F}{2}$$

$$\psi_1(x) = \frac{1}{\sqrt{2}} (\Delta \leq \frac{F}{2}) e^{i(kx - \omega t)}$$

$$\psi_2(x) = \frac{1}{\sqrt{2}} (\Delta > \frac{F}{2}) e^{i(kx - \omega t)}$$

$$i\hbar \frac{\partial}{\partial t} \Psi(r,t) = \hat{H} \Psi(r,t)$$

$$P(a < x < b) = \int_a^b |\Psi(x,t)|^2 dx$$

$$\frac{1}{\sqrt{2}} e^{i(kx - \omega t)}$$

ГЕРБЕРТ ГРЁЗ

ЗОВ НЕИЗВЕСТНОСТИ

You can return here at any time to see what is writt
Hold and keep the words of power that you find the
when you get back record them in your own Books.

If you are ready to leave the cave,
put the torch back where you found it.

Герберт Грëз

Зов неизвестности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37943132

ISBN 9785449346223

Аннотация

Жил-был художник. И одной серой холодной осенью с ним случилось что-то непонятное. Все, что осталось в качестве ключа для разгадки его тайны – альбом с карандашными рисунками.

Содержание

Глава 1. Мудрец и поезд	5
Глава 2. Дом художника и темнота	13
Глава 3. Голос и теория	23
Глава 4. Место и время	31
Глава 5. Странности и обычности	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Зов неизвестности

Герберт Грëз

© Герберт Грëз, 2019

ISBN 978-5-4493-4622-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Мудрец и поезд

В поезде пахло углём, деревом и чаем. Я закрыл за собой тамбур, и нервный шум вокзала остался где-то далеко позади. Его сменила мягкая романтическая тишина пустого вагона. Проходя мимо открытых дверей, я заметил, что этот маршрут не пользуется особой популярностью. Всех пассажиров не набралось бы и десятка. Втайне надеясь оказаться в пустом купе, я повернул тугую ручку замка, и тут же убедился, что приключения начались. Дверь не открылась. Я дернул еще сильнее, но механизм от этого податливее не стал. Уже намереваясь обратиться к проводнику, я было развернулся, чтобы пойти и высказать ему свои возмущения, но тут дверца открылась сама. За ней стоял рослый молодой человек в строгом темно-сером костюме, лакированных туфлях и очках в тонкой серебрястой оправе.

– Прошу прощения, – слегка смущенно сказал человек. – Честно говоря, я надеялся, что окажусь единственным постояльцем этого купе.

– Я тоже, – буркнул я, забрасывая сумку на багажную полку. – Может, приведем ситуацию к такому варианту?

– Каким образом? Уйти мне или вам? – сощурился один глаз, спросил человек.

– Ну... Могу и я, в принципе-то... Свободные купе еще есть...

– Пока да. Но через четыре с половиной часа (кстати, это будет полвторого ночи), наш поезд будет делать прилично долгую остановку на большой узловой станции. Кого там принесет в этот жестяной домик – неизвестно. Вы вполне можете оказаться в самой гуще баталий не желающих спать детей-сорванцов или, того хуже, всю ночь слушать басовые рапсодии си-бемоль-минор в исполнении жирной противной старухи.

Неожиданно мне понравился этот молодой человек. И то правда, куда приятнее провести ночь в компании сверстника, да еще и неглупого, по всей видимости, нежели чем рядом с какими-нибудь пьяными искателями дорожных приключений.

Тем более, что мое внимание очень привлекла книга, лежащая полураскрытой на столике. Оформленная не как художественная, а, скорее, как научная монография, но на самом деле, похоже, не была она ни тем, ни другим. На одной из страниц я заметил иллюстрацию, словно взятую из мистической повести: что-то похожее на женщину в саване стояло рядом с колодцем, сложенным из камня. А вот дальше, к моему искреннему удивлению, страницы пестрели какими-то формулами, диаграммами и графиками. Если этот тип читает такие книги, с ним может быть весьма интересно.

– Я останусь, пожалуй, – сказал я, подавая соседу руку. – Будем знакомы, меня зовут Виктор.

– А меня зовите Берт, – ответил он, крепко сжимая мою

ладонь. Очень даже крепко.

– Вы... простите?

– А, да, меня так зовут. Понимаю, немного непривычно, но в путешествиях помогает. Я, знаете ли, люблю шататься по свету. Сегодня мой дом – Россия, а завтра меня может занести в Австрию, а еще через полгода я буду уже в Румынии... Да.

– О, да вы путешественник, – усмехнулся я. – Что же за занятие приносит столь завидный доход, позволяющий вот так мотаться по миру?

– Доход-то не особо завидный, – пожал плечами, отозвался Берт. – Но мне много не нужно, я непритязателен. Вообще-то я ученый. Книжная крыса. Иногда для поддержания своего кошелька в приемлемом состоянии даю частные уроки. Математика, физика, программирование, иностранные языки...

«Хвастун, – подумал я. – Ладно, раскушу я тебя еще».

Пока я располагался на своей половине территории, пришла проводница исполнять свои прямые обязанности. Билеты, документы, белье и подробное разъяснение всего, чего в поезде нельзя. Строго говоря, выходило так, что можно только есть свои припасы и спать.

– Да, курить не получится... Это очень жаль. Вы курите? – спросил Берт.

– Нет, – я резко мотнул головой. – И не пью.

– Ах, как это скверно, – буркнул Берт. – Все-таки надо

было вас отправить в другое купе. Но что уж теперь! Неужели вы откажете попутчику разделить с ним даже маленькую рюмочку рома?

– Рома? Никогда не пробовал.

– О, много потеряли. Вы только посмотрите, а главное – ощутите этот аромат!

Берт открыл небольшую сумку и вытащил из нее темную пузатую бутылку.

– Вообразите себя пиратом, Виктор! Шум волн, разбивающихся о борт вашего галеона, свист ветра и вопли чаек, вкус соли на губах, чарующий флер кокосов и вот этого дивного напитка!

Он был столь поэтичен, что я не удержался и понюхал открытую бутылку. Уж не знаю насчет шума волн и ветра, но запах мне понравился. Что-то жаркое и экзотическое было в нем, и совсем не отталкивающее, как, например, у водки.

– Пожалуй, я не против, – кивнул я.

– Вот это другой разговор, – радостно воскликнул Берт и разлил ром по двум небольшим стаканчикам. – За наше внезапную и неслучайную встречу!

– Почему неслучайную?

– А потому, что нет никаких случайностей. Ладно, давайте!

Хлоп! Ром нанес мне мягкий, но очень ощутимый удар по всем чувствительным местам внутри. Жгучий, терпкий

и одновременно сладкий. Но не противный. Хорошо.

– И осталось только крикнуть «на abordаж!» и броситься захватывать в плен очаровательных красоток с кожей цвета обувного крема, – мечтательно сказал Берт. – Теперь вы расскажите о себе, пожалуйста.

То ли ром мгновенно развязал мне язык, то ли я поддался дружелюбию своего спутника, но моё повествование длилось долго. В нем было всё: и рассказ о моей одинокой жизни набирающего силу менеджера, и перечисление своих увлечений, и даже описание квартиры в старом доме, в которой я провел последние три года.

Видимо, моя скромная биография заинтересовала Берта, потому что он некоторое время просидел в тихой задумчивости, а потом изрек:

– Очень неслучайной была наша встреча. А теперь послушайте вот что. Вам интересно, зачем я, обладатель докторской степени и полиглот, тащусь в этом поезде сквозь унылые осенние поля в какую-то Господом брошенную деревеньку? Я так и думал. Смотрите!

Он покопался в своей сумке, достал оттуда какой-то листок, сложенный вчетверо и отдал его мне.

Это было письмо, написанное от руки: большая редкость в наше время.

«Дорогой племянник Берт! С глубоким сожалением и скорбью вынужден сообщить тебе, что твой двоюродный дядя Карл скончался. Тебе отходит часть наследства,

но не это главное. Обстоятельства его смерти были столь загадочны и необъяснимы, что поставили в тупик даже экспертов. Зная твою любовь ко всякого рода загадкам и тайнам, я прошу тебя помочь разобраться в этом деле. Как ты наверняка помнишь, Карл был художником и оставил после себя довольно неплохие работы. Но вряд ли они тебя заинтересуют, кроме одной. Это альбом с карандашными рисунками. После смерти Карла мы нашли в его столе записку, в которой он просит отдать этот альбом тебе. Еще там сказано, что в этих рисунках хранится ключ к тайне, приведшей старика к такой ужасной кончине. Приезжай по возможности скорее!

Твой дядя Ник».

Я изумленно посмотрел на Берта. Одно из двух: или он ловкий мошенник, или сумасшедший.

– Вы думаете, я жулик или псих, – сказал мой спутник. – Но ни то, ни другое не есть правда. В этом письмеце, написанном с вычурным, но наивным детским пафосом, все до последнего слова истина. И о том, что я с детства тянусь к необъяснимым загадкам, и о том, что мой двоюродный дядя Карл (которого, впрочем, я видел крайне редко) – талантливый художник. И об этом альбоме тоже. Теперь послушайте меня. В описании своего curriculum vitae вы упомянули о том, что защитили степень по физике в свое время, не так ли? А раз так, то я предлагаю вам бросить вашу в высшей степени скучную и бесполезную работенку и примкнуть к команде кафедры биофизики в университете, сотрудником

которого я являюсь.

– Шутить изволите, – недовольным тоном ответил я. – Бросить такое хлебное место и уйти на нищенский оклад ассистента?

– Не такой уж и нищенский, – пожал плечами Берт. – мы недавно выиграли серьезный грант на наши исследования в области... Впрочем, это неважно. В конце концов, мы с вами могли бы зарабатывать вместе, а заодно и раскрывать подходя тайны мироздания.

– Я вас знаю час, и вы уже предлагаете мне в корне изменить свою жизнь.

– Ну, во-первых, не в корне. Я же не третью руку вам предлагаю приделать. Во-вторых, у всех нас каждый день есть десятки моментов для изменения судьбы в лучшую сторону, просто мимо них мы пробегаем, не замечая под грузом обыденности и банальщины. Я советую вам остановиться и повнимательнее взглянуть на настоящий момент: он хорош для поворота на своем пути. Ну, и в-третьих, я же вас не заставляю. Решайте сами, но только сдается мне, что вы понимаете никчемность ваших попыток построить еще один унылый мирок в этом скучнейшем мегаполисе таких же одинаковых домиков, который и зовется «обычная жизнь». Решайте. А пока я налью еще рому.

Его слова казались одновременно и сумасшедшим бредом, и великой мудростью. Не зная, что ответить, я влил в себя немного напитка моряков и романтиков и сказал:

– Я подумаю до завтра. Все равно мы из этого вагона никуда не денемся.

– Это очень умно. Я в вас не ошибся. А сейчас давайте побеседуем о чем-нибудь менее нагружающем нервную систему...

Глава 2. Дом художника и темнота

Серые столбы за окном стали мелькать реже – поезд сбавлял скорость. Через час я выйду на перроне захолустного вокзала, отправлюсь в гостиницу, зарегистрируюсь, снова выйду и буду делать то, что гордо именуется «работа». Я вздохнул, кинул в стакан пакетик с чаем и поднялся пойти налить кипятку.

– Если вас не затруднит, возьмите и мне тоже, – подал голос Берт, до этого молча изучавший какую-то толстую книгу.
– Конечно, – кивнул я.

Его голос заставил мои мысли вернуться во времени и вновь показать те странные картины, которые я видел, засыпая этой ночью под тихий стук колес. Там были и какие-то заброшенные деревни, и сияющие аэропорты, и нагромождения непонятных приборов в неизвестной мне лаборатории... Память сделала еще один скачок назад, и я оказался в узком коридоре, стены которого были обшиты большими листами фанеры. Сильный ветер дул мне в лицо, а по полу и потолку бегали какие-то тени. Да, это тоже было частью видения. И голос, какой-то тусклый и тихий, говоривший что-то вроде: «Чтобы шагнуть туда, должно тебе свои знания перевернуть...» Ну, как-то так, толком я не помнил. Где-то в глубине моего сознания словно росток, пробивающийся сквозь асфальт, набирали силу сомнения и беспокойство. А еще вме-

сте с ними проснулся какой-то давно забытый детский восторг, как на качелях, когда летишь с высоты и ветер словно подхватывает тебя куда-то.

Я шел по коридору вагона с двумя стаканами кипятка и понимал, что этот чокнутый парень прав. Ненавижу свою работу, терпеть не могу своего шефа и не вижу никакой пользы в том, что делаю. Но вот так все оставить и резко махнуть в другую сторону? Не знаю, был ли я в тот момент готов сделать это.

Но сделал. Поставив стаканы на стол, я протянул Берту свою визитку и тихо сказал:

– Найдете меня сегодня вечером в гостинице «Волна». Вот мой телефон. Мне нужно кое-какие формальности уладить, а потом я весь ваш.

– Мечты должны сбываться, правда? – Берт посмотрел на меня, прищурился, и кивнул. – Хорошо. Тогда поедем вместе вечерним автобусом. Или же взять машину напрокат? Ладно, там видно будет.

Я кивнул, не сказав больше ни слова. Что может быть глупее, чем вот так доверить судьбу какому-то проходимцу, которого я вижу и знаю меньше суток? Но, черт возьми, пусть я буду глупцом, но и на работу больше не вернусь. Ноутбук и заявление отправлю по почте.

Прислушиваясь к удаляющемуся шуму железной дороги, я услышал веселый голос Берта: «Увидимся!» Да, кто бы он ни был, этот тип, влиять на людей он умеет.

Вечером он постучал в дверь моего номера, когда я уже, что называется, сидел на чемоданах и порядком нервничал. Но, слава Богу, напрасно.

В зубах у Берта была очень маленькая трубка, сделанная из какого-то серого материала, а мундштук ее представлял собой черную палочку, похожую на тростник.

– Привет, – запросто сказал он. Проследив мой взгляд, он усмехнулся: – А, это! Подарок индейца из перуанского племени Кечуа. Табак тоже не та наша дрянная смесь туалетной бумаги и собранных с тротуаров опавших листьев. Уверю вас, эта трубка хоть и убивает, но делает это куда медленнее и изящнее тех, с позволения сказать, «сигарет», которые продают в наших ларьках. Но давайте к делу. Автобусы в столь поздний час уже не ходят, а до деревни, в которую нам надо попасть, сто сорок километров. Поэтому я арендовал автомобиль, по моему мнению, вполне способный ехать. Вы готовы?

– Да, – кивнул я. Больше ничего мне в голову просто не пришло.

– Отлично! Идемте.

Водителем Берт оказался так себе. Поэтому через два квартала я попросил его поменяться местами, дабы не подвергать нашу команду смертельной опасности.

– Пожалуй, я прислушаюсь к вашему совету, – со вздохом кивнул он. – Это не машина, а медный таз, имеющий намерение накрыть нас собой в любой удобный момент.

– Отнюдь, – я покачал головой. – Просто ваши навыки вождения...

– Оттачивались на автомобиле, имеющем право так называться.

– И что же это был за чудо-аппарат? «Кадиллак»? «Бентли»? Или «Камаро»?

– Тьфу-тьфу-тьфу, ни Боже мой. «Волга» ГАЗ-24! Вот это и вправду уникальная техника. Вы только послушайте, его разработчики совершили прорыв в технике, изобретя *perpetuum mobile*. Там в инструкции, в перечне возможных неисправностей, среди всего прочего есть такая строчка: «после выключения зажигания двигатель продолжает работать». Честное слово, я не вру! И при всем при этом удивительный комфорт при полной простоте и аскетичности.

– Но это же прошлый век!

– Да, к сожалению, сейчас таких уже не делают... Ладно, а вы, я смотрю, куда более квалифицированный пилот?

– Приходится, – кивнул я. – Так, куда ехать?

– Направо, – сказал Берг. – И теперь пилить и пилить...

Тихая дорога, то скрывавшаяся в перелесках, то выбиравшаяся на поля, захваченные холодными ветрами, делилась со мной своими тоскливыми чувствами и безрадостными наблюдениями. Осень давно превратила окружающие красоты в галерею темных и мрачных пейзажей, и то, что пасмурная ночь скрывала большинство из них, было даже к лучшему.

Берг молчал, покуривая свою индейскую трубку, и смот-

рел куда-то очень далеко, словно в другую вселенную. Свет фар, отражаясь от дорожных знаков, изредка сверкал на его очках тонкими бликами. И в который раз я задал себе вопрос о том, правильно ли я делаю, что еду черт знает куда черт знает с кем, а главное – черт знает зачем?

Через некоторое время от монотонного пути меня начало клонить в сон, и я пожаловался Берту.

– Отдохните минут пятнадцать-двадцать, – посоветовал он. – Даже легкой дремы в течение четверти часа хватит, чтобы вновь набраться бодрости.

– Ну не знаю, – ответил я. – Лучше бы поскорее добраться.

– Воля ваша, – пожал плечами Берт. – Но я бы поступил именно так.

Впрочем, уже совсем скоро мы проехали табличку с названием нужного нам места, поэтому необходимость в отдыхе на обочине отпала.

– Так, – оживился мой спутник. – Теперь нам надо... кажется, туда. Ох нет, наоборот, налево. Himmeldonnerwetter, я бывал здесь только днем, и совсем не знаю, где же этот его дом... И подсказать-то некому – деревня словно вымерла.

– В это время местные давно спят.

– Да уж... Урожай собран и делать решительно нечего. Ладно, напрягу память.

Память Берта напрягаться не особо желала, поэтому мы проплутали по деревне не меньше получаса, прежде чем остановились около высокого деревянного строения, скры-

вавшегося за металлическим забором.

– Вот! Все-таки я не до конца поражен топографическим кретинизмом, – Берт самодовольно потер руки. – Прошу вас, Виктор, спешиваемся и привязываем коня. Мы прибыли!

Внутри дома оказалось прохладно и не особо уютно. Он был не очень-то похож на жилое помещение, скорее это было что-то вроде студии, совмещенной с кунсткамерой и складом антиквариата. Зал скрывался в хаосе, состоящем из наваленных мольбертов, разбросанных коробок и ящичков, каких-то безделушек и непонятного вида инструментов.

– Да, здесь мало что изменилось со времени моего последнего визита... – тихо проговорил Берт. – Все такая же прелестная обстановка, сопутствующая всякому творчеству. А, вот и диван, тот самый.

– Знаменитый?

– О да. Он запечатлен на единственной работе старого Карла, которую можно отнести к семейным портретам. Правда, он не хотел творить этот шедевр, но моя кузина настояла.

– Он написал ее?

– Да, написал... Голую, как прибрежная галька. Зачем ей это понадобилось, понять не могу. Впрочем, женщины, что с них возьмешь... То скрывают свою истинную внешность за нарисованными масками и нелепыми одеждами, то готовы эти самые одежды сбросить к чертям, и, что удивительно, и то и другое они искренне считают красивым.

– Дело в соответствии обстоятельствам, – ответил я. – Когда ведь как лучше.

– Ах, вы знаток женщин? Понимаю, хотя и не очень. У меня была жена, но она умудрилась за год совместной жизни наговорить мне столько гадостей, что подели я их между всеми своими врагами, каждый бы оказался заслуживающим смерти на дуэли. Поэтому я как-то с тех пор против проживания под одной крышей с этими особами в такого рода отношениях. А вы?

– Я никогда не был женат, – сказал я. – Времени не было на личную жизнь.

– О, тогда вы становитесь потенциальной жертвой моей кузины. Той самой, что возлежала здесь, воображая себя Афродитой, или кем там еще. Даже и не знаю, знакомить вас с ней или все же не стоит. Ладно, это дело не требует сейчас внимания с нашей стороны. Надо найти альбом!

Пока Берт шарил по ящикам и комодам, я совершил небольшую экскурсию по дому покойного художника Карла. Кое-где на стенах висели полотна с изображениями каких-то причудливых развалин. На каждом из них стояла подпись, сделанная тонким росчерком кисти: «К. Stolz».

– Кстати, Берт, а какая у вас фамилия?

– Рамирес, – отозвался он из другой комнаты. – Но подписываюсь я Штольцем, как и этот мой дядюшка. Вы ведь поэтому спросили, увидев картины?

– Ну да, – крикнул я в ответ, невольно удивившись

проницательности моего нового друга. И одновременно его необычности. – Вы и впрямь космополит.

– О, во мне столько крови намешано, – усмехнулся Берт, появляясь в проеме двери. – Но смотрите, я нашел альбом!

Подойдя к столу, Штольц-Рамирес аккуратно положил на ходку на испещренные трещинами лакированные доски и, подождав несколько мгновений, открыл.

– Что там? – взволнованно спросил я, подходя.

– Чушь какая-то, – недоуменно пробормотал Берт. – Просто набор старинных рисунков... Карандашная графика с мистическими сюжетами. И ни слова, которое смогло бы хоть что-то объяснить.

– Дайте-ка посмотреть...

В альбоме было использовано всего восемь страниц.

На первой из них на меня смотрел старинный будильник. Отверстия для завода и перевода словно глаза лукаво глядели по обе стороны от стрелок, свесившихся вниз, изображая нос. Часовая стрелка висела на пяти, минутная – на четырех.

Вторая страница была покрыта странной штриховкой, сквозь которую только через некоторое время можно было угадать дождливый пейзаж, как если бы его рассматривать через большое низко поставленное окно. В серой сетке падающих с неба струй различалось что-то похожее на часовню.

Третий рисунок показывал плачущую девушку, склонившуюся над чайником. Несмотря на абсурдность сюжета, было что-то в этом рисунке завораживающее, пугающее и от-

талкивающее одновременно. Какой-то смысл, какое-то послание, не знаю.

На четвертой странице я увидел сосновый лес, разделенный надвое страшной бездонной пропастью, из которой поднимались вверх не то какие-то щупальца неведомых монстров, не то ядовитые миазмы.

Пятая картинка не вызвала у меня ничего, кроме странного недоумения. На ней иссохшая рука держала за ухо маленького мальчика, висящего над мясорубкой. Меня перевернуло.

На шестой странице царила и вовсе жуткая вакханалия. Пейзаж можно было бы назвать деревенским, если бы не странное свойство: все было перемешано. Перед жилым домом стояла ветряная мельница, забор одного из участков выгибался под невысказанным углом, а во дворе дома на окраине раскинулось кладбище. Что-то знакомое было на этой картине, что-то давно забытое... Я несколько секунд пытался вспомнить, но так и не смог.

На седьмом листе красивым готическим шрифтом было изображено число 714. И ничего более.

Альбом заканчивался портретом рыцаря, стоящего на вершине холма, сложенного из круглого галечника. Воин опирался на длинный меч, латы его были покрыты вмятинами и пробоинами, из некоторых текла кровь. Флаг за его спиной был нарисован настолько мастерски, что казалось, настоящий ветер трепещет в его складках.

Я вздохнул и закрыл альбом.

И вдруг почувствовал, что со мной происходит что-то странное.

Не знаю почему, но эти картинки вдруг словно заставили что-то в моем мозгу открыться, как шлюзу в плотине. И поток самых разных мыслей из разных уголков разума ревущей лавиной обрушился на меня, да так, что я замер с открытым ртом.

– Виктор? Ваша душа ждет третьего звонка и отправляется? Эй, очнитесь!

– Берг, вам чертовски повезло, что вы нашли меня в поезде. Я знаю место, изображенное на одном из этих рисунков...

Глава 3. Голос и теория

Мы стояли на крыльце и смотрели, как темно-серые клубы низких туч проплывают над домом. Берт поджег свою трубочку и предложил мне немного рому. Я не отказался.

Аромат напитка вновь наполнил все вокруг манящим зовом приключений. И в холодном голосе ветра я услышал то, что всегда хотел и давно боялся узнать о себе. Нет, я не серый служащий большой компании, не обыватель и не спокойный домосед. Авантюрист, бродяга и искатель – вот эти характеристики больше подходят. И Берт знал это, да, он догадался с первых слов, сказанных там, в поезде. И я нашел не просто нового друга, нет! Новая жизнь и путь к своим заветным детским мечтам – вот то, что встретил я в купе. Сколько раз в детстве являлись мне видения кораблей, стоящих в порту и освещаемых закатным солнцем, с какой радостью вдыхал я запах весенних лугов в деревне моей бабушки, как упоенно читал я книги о странниках и рыцарях! И вот рядом со мной стоит тип с немецким именем и испанской фамилией, курит индейский табак и пьет пиратский ром, и вместе с ним я отправляюсь на поиски тайн и загадок...

– Виктор, вас, случайно, не продуло? Что-то вы выглядите как-то странно, будто ребенок, вззирающий на мороженщицу.

– Нет, просто я увидел, как из старинной гавани уходит

флот на поиски новых земель.

– А, и вы уходите вместе с этим флотом? Понимаю. Сам такой же был лет пятнадцать назад. Ну так что, где же эти милые буколические пейзажи, на которых в лесах стоят ветряные мельницы, а кладбище кто-то располагает прямо в своем дворе? Вы сказали, что знаете.

– Да, знаю. Но это не близко отсюда.

– На легкую прогулку я и не рассчитывал, – усмехнулся Берт. – Но я, правду говоря, сомневаюсь, что такая местность вообще есть.

– Можете мне поверить, – кивнул я. – Давайте не будем терять времени и отправимся завтра утром.

– В обед, – зевнул Берт. – Не раньше обеда. Во-первых, я хочу попить рому, во-вторых, чертовски устал от всех этих переездов, и в-третьих, с утра будет дождь.

– Не уверен насчет третьего пункта.

– А я уверен. Идемте, дружище, в дом. У меня есть сушеное мясо по-германски и еще одна бутылка рома. Я не склоняю вас к злоупотреблению, это просто чтобы вы не стеснялись. Давайте, давайте, новая дорога судьбы стоит того, чтобы поднять за нее стаканчик!

Самым трудным испытанием оказалось найти место для сна. Берт на правах хозяина отдал мне широкую, но при этом весьма неудобную кровать, а сам кое-как уместился на диване. С его ростом он выглядел там скрюченным, как зародыш рыбы в икринке. Впервые я засыпал в таком необычном ме-

сте и при таких неожиданных обстоятельствах. Я ворочался с боку на бок, никак не находя более-менее удобного положения, и вдруг я услышал голос Берта.

– Виктор, – тихо сказал он, почему-то делая ударение на последнем слого. – Тссс! Прислушайтесь.

Я последовал его совету, но ничего необычного не заметил. Обычное поскрипывание, потрескивание и шорохи, как и в любом другом старом доме.

– Ничего не...

– Да тихо же вы! Неужели не слышите?

Мои уши никогда не были особо чуткими, поэтому результатов усилия не принесли. А вот Штольц, по всей видимости, оказался обладателем более совершенного слуха.

– Голос откуда-то... Из соседней комнаты, что ли? Не могу разобрать, что говорит... Кстати, я ведь даже не знаю, где именно нашли дядюшку. Я, пожалуй, пойду, разузнаю поближе.

– Я с вами.

– Вуено, – тихо ответил Берт. – Идемте!

Лишь подойдя к двери, я услышал то же, что и мой друг. Действительно, за стеной кто-то низким голосом не то рассказывал что-то, не то читал какие-то молитвы или заклинания. Что бы то ни было, ни единого слова разобрать не получалось. И впервые за все время пребывания в старинном доме художника я почувствовал не прохладу, а самый настоящий холод. Что же, если наши поиски начинаются с та-

инственного дома с привидениями, то это уже очень хорошо. Конечно, все, что я знал до этого, не содержало сведений о потусторонних вещах, да я в них и не верил особо. Но сейчас, когда в ночной тишине и промозглой тьме за бревенчатой стеной старинного дома с нами пыталось говорить Нечто... Мне стало как-то жутковато.

Тем временем Берт засунул голову в дверной проем соседней комнаты. Секунд десять он вглядывался куда-то, а потом вернулся и сказал:

– Ничего. Голос шел явно отсюда, но здесь, разумеется, никого нет. Виктор, а вы верите в привидения?

– Нет. Конечно же нет. Начнем с того, что за все время их якобы существования нет ни одного документального свидетельства. А потом, законы физики...

– Законы, законы! Не хуже вас, между прочим, знаю я эти законы, – раздраженно перебил он. – Но в том-то и дело, что я верю. По поводу же фактических доказательств, так это дело такое, как посмотреть. Они есть, но не в той сфере лежат. Возьмем, к примеру, голограмму. Впрочем, прежде, чем мы ее возьмем, предлагаю вернуться в комнату. Не стоять же в коридоре всю ночь! Так вот. Голограмма. При ее наблюдении может показаться, что законы физики нарушены, ведь в данном объеме не может быть помещено тело, значительно больше этого самого объема, не так ли? Но голограмма-то есть, и старая ваза на ней вполне отчетливо видна во всем своем трехмерном великолепии.

– Это иллюзия...

– Да подождите же вы! Идем дальше. Диаманитная левитация. Вполне себе реальная вещь, однако впечатляет не хуже Магометова гроба. Или же магнитофонная запись. Вы помните такие штуки, Виктор? – Берт опять сделал ударение на последнем слоге. Видимо, такая манера обращения ко мне ему больше нравилась. Я, впрочем, не возражал. – Катушка со смотанной лентой на полимерной основе, и ни черта на ней нет, вроде бы. Но стоит заправить ее в считывающее устройство, как все вокруг наполняется чарующими аккордами и дивным голосом, скажем, Бритни Спирс. Ха! А радио? Рассуждая о привидениях, дружище, не следует опираться на традиционные представления об этом явлении: духи мертвых, неуспокоенные покойники (славный каламбур, да?) и так далее. Информация – вот что должно стоять во главе угла! А также способы ее хранения в природе и возможности воспроизведения.

– Так вот чем вы занимаетесь на вашей кафедре?

– Вы удивительно проникательны. Да, я еще и докторскую на близкую к этой теме защитил. Прямо высказаться мне бы никто не дал: в нашей науке одни твердолобые пни с глазами. Точнее, там тоже есть славные парни, но рты у них закрыты протоколами. Но я уже очень близко подошел к фундаментальному открытию в этой области. А может быть, далек от этого так же, как и пятнадцать лет тому назад. Не знаю. Все, что ни делается, то к лучшему: теперь у меня есть на-

парник-скептик, который не позволит мне залетать далеко в облака псевдонаучного невежества. Ладно, движемся дальше. Исторически сложившиеся верования разных культур описывают, в целом, одно и то же явление, но под разными соусами и углами. Духи у христиан, джинны у мусульман, дэвы у индусов... Везде суть одна и та же: незримое существо без плоти, обладающее, тем не менее, сознанием и некими способностями к проявлению своих действий. Сюда же мы свалим и полтергейст, и домовых с лешими, и асуров там каких-нибудь. Проблема четкой фиксации этих явлений на документальной основе в том, что мы толком не знаем, чем собственно фиксировать. Я просмотрел сотни фотографий в интернете с якобы «реальными» призраками, так все сплошь монтаж и подделки. Или вот еще феномен электронного голоса... Тоже чушь с претензией на открытие. Сложно все это. Но ведь наука-то не стоит на месте! Например, увидев современный планшет, друиды кинулись бы ему поклоняться. Поэтому я верю, что мы сможем найти такой способ заполучить требуемые доказательства, который заставит всех скептиков от досады сжевать собственные носки.

То, что говорил Берт, было одновременно и очень сложным для понимания, и очень простым. Мне хотелось воскликнуть что-то вроде «да ведь я знал об этом всю жизнь!», но я точно не мог бы сказать, о чем именно. Да, было в его словах какое-то ускользающее видение истины, но у меня в голове все так запуталось, что я даже не нашел, что отве-

тить.

– Идите спать, – вдруг сказал Берт. – Вижу, я достаточно загрузил вас своей теорией. У нас еще будет время обсудить это. Кстати, вы по какой теме защищались?

– Изменение коэффициента сжатия неньютоновских жидкостей при воздействии ультразвука сверхвысоких частот.

– Эх, черт, интересно, да не то. И после этого вы работали в сфере продаж сантехнического оборудования? Близко к специальности, однако... Ладно, придется вас кое-в чем просветить. Но всему свое время. Buenas noches.

Берт оказался настоящим синоптиком: утро встретило нас холодным затяжным дождем. Ехать в такую погоду совершенно не хотелось, и мы принялись исследовать дом Карла Штольца.

– Интересно, – сказал Берт, откусывая кусок вяленого мяса. – Что именно из этой рухляди теперь мое? Я бы захватил отсюда пару-тройку реликвий. Вот, например, это... Или это. Вы, кстати говоря, не интересуетесь живописью? Нет? Я тоже. Хотя некоторые картины стоят того, чтобы на них взглянуть. Скажем, Дали. Да, он близок мне по духу. Наверное. Я с ним не знаком. Черт, вкусное мясо, надо бы еще наделать. Да, я сам себе готовлю припасы. Даже когда был женат, занимался тем же. Борщ в экспедицию не возьмешь, знаете ли.

Бросая такие разрозненные фразы, Штолец обыскивал весь дом сверху донизу, тщательно осматривая каждую находку. Часа через три его сумка заметно потяжелела, чему

он был страшно рад.

– Итак, из этого дома мы выжали все, что могли. Пожалуй, нет смысла оставаться здесь дольше. Едем! Хотя перед тем, как мы отправимся, я хотел бы показать вам свою кухню. Я всю ночь думал об этом и пришел к выводу, что вас все же стоит познакомить. Она немного с прибабахом, хотя я не знаю, эта опция у всех женщин в базовой комплектации, или все же есть модели без нее. Вот, смотрите.

Берт достал из внутреннего кармана сумки смартфон, пощелкал в нем и показал мне. Девушка как девушка, темноволосяя, с красивой улыбкой, но ничего уж такого особенного.

– Значит, не понравилась, – резюмировал Берт. – Ну и ладно. No woman, no cry. В путь!

Он тщательно проверил все замки, осмотрелся напоследок и только после этого сел в машину. Противно заскрежетали дворники по стеклу, рыкнул мотор, и мы тронулись.

Я сообщил, что ехать нам никак не меньше трехсот километров, отчего Штольц погрузился и достал свою трубку.

Глава 4. Место и время

Дождь заметно ослаб, но ехать было все равно неприятно, потому что из-под колес других машин то и дело поднимались грязные тучи мелких брызг. А еще пришлось очень нервно искать заправку, ругаться с бывшим шефом по телефону, заливать стеклоомыватель, короче говоря, путешествие становилось все более захватывающим.

Берт же почти весь путь предавался каким-то размышлениям и лишь изредка издавал неопределенные междометия. Наконец, уже перед самым выходом на финишный отрезок, он повернулся ко мне и спросил:

– Виктор, а вам не было страшно там, в доме Карла?

– Страшно? Ничуть. А чего там было страшного? Голос за стеной? Это ерунда. Вот если бы крыша не дай Бог рухнула, или еще что похлеще...

– То есть, вы боитесь только рациональных опасностей? Это и хорошо, и плохо сразу. Конечно, если напротив тебя стоит дурак с ножом, пожалуй, это повод немного испугаться. Но недооценивать силы более высокого порядка неразумно. Вы что-нибудь слышали о полтергейсте?

– Только про барабашку в детстве. Тогда им по телевизору пугали. Вроде как даже документальные съемки были.

– А, я так и знал... Впрочем, я не призываю вас бояться потусторонних явлений, а лишь хочу предупредить, что

попадают среди них и такие, к которым необходимо относиться серьезнее.

– Берт, вы шутите. Я не уверен в существовании этих явлений в принципе, а вы уже пытаетесь рассказать мне об их свойствах!

– Ладно, значит, время еще не пришло. Спешу, как обычно.

После этих слов Штольц опять погрузился в свои мысленные катакомбы и разжег трубочку. А я смотрел на дорогу и кое-как справлялся со своими раздумьями. Скажи мне кто-нибудь неделю назад, да что там, еще позавчера, что я буду ехать в одной машине с сумасшедшим искателем приключений и аномальных явлений, и более того, сам буду принимать участие в поиске всего этого! Да я бы даже не посмеялся. Просто сделал бы вид, что я стенка.

– Да, Берт, хотел спросить, а какое у вас ученое звание?

– Профессор, – скромно ответил тот. – По возрасту не скажешь, правда? А вы?

– Даже не доцент. Бросил кафедру раньше представления к званию.

– Зря. Хотя нет, не зря. Ведь тогда бы мы не встретились. Если хотите, я подготовлю представление сразу же после вашего оформления в университет.

– А на кой черт эти ярлычки нужны?

– Э... Тут вот какое дело. В обывательской среде можно объявить себя хоть академиком кислых щей и затирать на-

роду любую муть. Но в кругах науки без этих бумажек никто никого не будет слушать. Хоть ты триста раз вещай истину. Такова реальность. Поэтому нам больше поверят как профессору и доценту, нежели чем профессору и абы кому.

– Понятно... Вы так говорите, будто меня уже оформили в университет.

– Остались только формальности, уверяю вас. Все уже в курсе, что на нашей кафедре скоро будет новый сотрудник.

Вот тебе и новости. Ладно, разберемся. Тем временем мы подъехали к развилке, один указатель на которой был новенький и свежий, а второй являл собой настоящий артефакт из далекого прошлого. За новым дорога буквально красовалась недавно положенным асфальтом, а за старым коробилась и скалилась рытвинами и ямами.

– О, я надеюсь, нам по этой старой? – оживился Берт.

– А то как же!

Скорость наша заметно снизилась: машину приходилось беречь. Конечно, лучше бы я смотрел на заросшие мхом стволы вековых деревьев, которые, словно обнявшись своими кронами, загораживали небо где-то сверху. Или любовался бы таинственной романтикой меняющегося придорожного рельефа, который то падал глубокими оврагами вниз, то вздымался холмиками, обсыпанными камнями, словно пасхальные куличи цветными бусинками. Но все эти красоты достались Берту, а я сражался с тем, что в России принято считать дорогой.

– Обстановочка что надо, – удовлетворенно хмыкнул профессор. – Ну просто декорация. Так и тянет сделать пару снимков.

– Зачем?

– Для поднятия настроения и вдохновения на работу в какое-нибудь мерзкое февральское утро, когда приходится тащиться невесть куда вместо того, чтобы закутавшись в плед, сидеть у камина и думать.

– Вы много думаете, Берг.

– Никуда не денешься, это у меня с детства. А вы? Вот, например, вы думали, что мы будем делать, когда прибудем на место? И, допустим, нам улыбнется удача, и мы найдем локации, нарисованные в альбоме. Так что дальше?

– Э...

– Вот именно, «э». А я думал.

– Ну, мы будем искать.

– А что именно искать? Не знаете? То-то же. Я полагаю, что нам потребуется сопоставлять рисунки и реальность. Как в детской игре на поиск отличий. Только сдается мне, что альбом был создан не вчера, а посему кое-что из нужных нам вещей будет не на своем месте. А что-то наоборот, окажется лишним. Важно будет подмечать каждую деталь, не упускать из виду ничего, и ко всему относиться очень серьезно. Вот, например, вы видели, что я сегодня утром положил в свою сумку шкатулку с отломанной крышкой? Как думаете, зачем? Ага, я не сомневался. А теперь смотрите! На этом ри-

сунке она есть, но почему-то валяется рядом с руинами сарая. Мало похоже на дом Карла, но шкатулка-то та же самая! Вот тут-то и загвоздка. Как понять, что важно, а что нет? Что приведет нас к разгадке смерти старика, а что будет мешать этому?

– Мда... Кстати, а как именно он умер?

– О, это запутанная история, ну просто как провод от наушников. Он почил у себя в доме, можно сказать, на ровном месте. Как раз в это время у него гостил мой дядя Ник, который и написал то письмо. Он сообщил мне – я ему звонил, когда получил депешу – что дядюшка вдруг ни с того, ни с сего повалился на пол и запричитал что-то вроде «они нашли меня», «они здесь» и тому подобное. Резонно полагая, что старик лишился разума или же впал в горячечный бред, Ник вызвал врача. Тот повертел беднягу в разные стороны, посмотрел что-то во рту и глазах, но видимо, ничего достойного своего внимания там не нашел. Они переложили Карла на кровать, откуда тот вскорости упал, причем выражение лица у него было такое, словно он спасался бегством. Тогда врач и Ник справедливо решили, что дядюшка точно тронулся и вызвали психбригаду. Однако за то время, пока скорая переплыла Атлантику и наконец-таки добралась до них, старик успел совершить побег. Его нашли в какой-то из комнат, не помню, в какой именно. Карл сидел на полу и бормотал что-то про свой альбом и каких-то неустановленных личностей, которых он называл «они». Психиатры было

взялись за дело, но тут старик взял да и отдал концы. Парни быстро заявили, что это не их больной, ибо от помешательств напрямую не умирают, составили заключение о параноидальном бреде и удалились, оставив Ника и врача созерцать упокоившегося дядюшку. Тогда доктор отвез тело Карла на вскрытие, но там их ждал очень большой сюрприз: старикан оказался здоров, как хоккеист. Они, естественно, написали, что смерть произошла от чего-то там с сердцем, но истинной причины они не знают. Ее нет. Вот так.

– Ну просто сюжет для дешевого американского ужастика.

– Ага. Поэтому-то мы и здесь. Ибо мы не в сюжете, дружище. Это суровая реальность.

Да, она надвигалась. Мы въехали в местечко, о котором знали только очень немногие. И я бы не знал, если бы мне в свое время на глаза не попала одна заметка, которую написал мой старый знакомый, любитель археологии и истории. Он в составе какой-то там экспедиции искал захоронения времен войны, но вместо этого они наткнулись на странную покинутую деревню, в которой все выглядело так, будто ее сначала разрезали, как пазл, а потом собрали, но неправильно. Не знаю, как это еще можно описать, но все было совершенно не на своих местах.

Берт выскочил из машины и забегал вокруг, как кот около миски с курицей. Ни слова не говоря, но размахивая руками и что-то высматривая, он производил впечатление мима-комедианта.

– Мы на месте, и мы вовремя, – наконец изрек он. – Спасибо, Виктор! Я в который раз говорю себе, что не ошибся в вас!

Глава 5. Странности и обычности

Штольц восседал на поваленном стволе толстого дерева и вещал. Он был великолепен в своем энтузиазме. Каждое его слово звенело, как фужер, если его потереть рукой по ободку.

– Итак, вопрос первый, – объявил он после недолгого вступления, которое содержало в себе вдохновенную речь о высокой миссии науки перед человечеством. – Как дядюшка узнал о существовании этого места? Вариантов несколько, но самых разумных из них два: первое – он здесь был лично, а второй...

– Все это ему привиделось, – я позволил себе перебить профессора.

– Да. Это бы объяснило, кстати, наличие на рисунках предметов, которые на самом деле валялись у старого хрыча дома, – кивнул Берт. – Но поражает тщательное воспроизведение реальности. Вы только посмотрите, как похоже! Да. Значит, с более высокой степенью вероятности полагаем, что он тут был. Тогда вопрос второй: зачем? Что привело его сюда – поиски вдохновения или охота на бекасов? Кстати, вы видели здесь бекасов? Ясно, это он всех перебил. Глупая шутка, говорите? Я иногда позволяю себе такие, когда сильно взволнован. Ладно, дальше. Вопрос третий – почему именно этот альбом дядюшка назвал ключом к разгадке сво-

ей смерти? Ведь умер-то он не здесь... Да-да, я знаю, вы сейчас скажете, что он нашел здесь каких-то фантомов, которые преследовали его и добрались до него дома, где и кокнули. Но этот ответ лежит на самой поверхности, и сценарист того самого дешевого фильма ужасов, о котором вы упомянули, именно так и написал бы. Нет, amigo, все не так просто. По идее, эти самые фантомы охотились бы за альбомом после смерти, а этого не происходит. И на нашей шее не сжимается холодная рука смерти. Хотя, впрочем, на вашей сжимается. А, это у вас шарф такой странный... Да. Очевидно также, что он не стащил отсюда никакой привязанной к местным духам реликвии, за которой и пришли эти самые духи, ибо никто про это ничего не упоминал. И, кстати, это тоже вариант дешевого сюжета. Нет, он едва ли здесь что-то или кого-то потревожил, вряд ли кого-то осквернил и уж точно ни в кого тут не заставил в себя влюбиться. Так почему же мы здесь, а? Думайте, дружище.

У меня не получалось думать. Я смотрел на эти сараи внутри домов, деревья, растущие из колодцев, огороды на крышах и от этого словно кто-то отчаянно давил на тормоз в моей голове.

– Не получается? Это от отсутствия практики. Я помогу вам. Смотрите. Дядюшка умер дома и он не упоминал, что смерть его как-то связана с этим местом. Он лишь сказал, что в альбоме на рисунках есть ключ к разгадке его гибели. Только ключ! Не источник опасности и не причина смерти

как таковая. Всего лишь маленькая улика, ведущая дальше, к другим местам, действиям и явлениям. Никто не говорил прямо, что сущность, погубившая дядюшку, пришла именно отсюда. Но здесь – и именно здесь – они оба наследили так, что их пути можно разузнать дальше во взаимной зависимости. Вот как надо повернуть эту деревеньку, чтобы смотреть на нее под правильным углом. Не причина и не источник беды, но зацепка, нить, если хотите. Хотя место само по себе, конечно, стоит того, чтобы заняться им отдельно. Но мы сюда еще вернемся. Кстати, а что вам кажется странным здесь?

– Проще перечислить, что здесь не кажется странным, – буркнул я. – Взять, например, хотя бы эту постройку. Судя по всему, она была когда-то котельной. Но какой черт занес ее в коровник?

– Нет, нет, Виктор. Вы рассуждаете стандартно, а это вредно. Как раз это и не странно для такого места. Необычно здесь другое, но что именно?

Я попытался отбросить приемы «стандартного» мышления и наклонил голову, стараясь рассмотреть что-то еще. Взгляд мой фокусировался то на деревьях, растущих вбок из склона холмика, то на курином скелете, стоящем на громоотводе, как флюгер. Я блуждал взглядом по домам, разбросанным вдоль дороги, по кускам заборов, торчащим из самых разных мест, по кустам, растущим вниз с крыш. Но это было вроде в рамках нормы, если верить Берту. И вдруг я увидел.

– Тени! Они перекрещиваются под разными углами!

– Ага, и это тоже. Хотя и не то, но все же верно подмечено.

Во-первых, день пасмурный, а тени есть. Во-вторых, точно, они пересекаются, а должны быть направлены в одну сторону. Но это все же не та деталь, на которую я хотел обратить ваше внимание. Берете еще попытку?

– Ну вас. Нет, не беру.

– Тогда смотрите и слушайте. Странно то, что вся деревня перемешана, как куча доминошек перед игрой, но есть одна часть пейзажа, оставшаяся нетронутой. Дорога! Вот, Виктор, что здесь совершенно необычно. Ведь при таком хаосе она должна быть разбросана по всей деревне в виде фрагментов, но ни одна из ее ветвей нигде не обрывается. Учитесь, друг мой, видеть всю картину сразу, а потом сопоставлять её детали. И то, что не вяжется, то и есть искомое. Ладно. Да. Теперь за дело. Идемте со мной, будем опознавать ключ.

Сначала мы подошли к ветряной мельнице, кое-как уместившейся между двумя вековыми соснами. Двери не было, и прямоугольный проем в каменном цоколе выглядел бесконечной темной дырой. Покосившаяся, вся покрытая трещинами, она никак не давала повода подумать, что когда-то на ней работали люди, звучали голоса, что здесь начинался путь ароматного каравая с хрустящей корочкой. Сейчас с этими выбитыми окнами, обвалившейся крышей, она напоминала скорее иллюстрацию книги о войне.

Берт же, похоже, нисколько не интересовался антуражем.

Он рыскал, как мышь, застигнутая на воровстве зерна, шнырял туда-сюда, к чему-то приглядывался, трогал и даже нюхал. Наконец он остановился, перевел дух и спросил:

– Ну что, нашли что-нибудь?

– Нет, – честно сказал я. – И не искал даже. Вас там вполне хватало. Я рассматривал мельницу и поражался тому, что с ней случилось, и какая она, возможно, была раньше.

– Вам дали звание физика по ошибке, – сердито буркнул Штольц. – Вы лирик чистой воды. Впрочем я вот тоже ничего не нашел.

Он с яростью чиркнул зажигалкой и пустил в небо огромное облако дыма. Потом перелистнул альбом и молча отправился дальше. Я так же тихо последовал за ним.

От следующей точки нашего маршрута меня просто передернуло. Во дворе большого дома в четыре окна располагалось кладбище. Но не такое умиротворенное и спокойное, как обычно, а какой-то кошмар из нагромождений оград, крестов, надгробий, истлевших досок и каких-то жухлых тряпок. То, что по идее должно было стать последней станцией на маршруте жизни, превратилось в крушение поезда.

Берт, тем не менее, смущен не был. Он спокойно переворачивал надгробия, отстранял кресты, копался в тряпках. Я не мог на это смотреть.

– Господин Рамирес, вы изволите заниматься святотатством! Немедленно прекратите тревожить упокоенные души!

– Чего? – Берт изумленно посмотрел на меня поверх очков и подошел вплотную. На его руках заиграли мышцы. – Повторите, что вы сказали?

– Это же кладбище, Берт!

– Так, – он взял себя в руки и спокойно выдохнул. – Во-первых, это уже не кладбище. Если кто и побеспокоил, как вы сказали, души, то это был не я. Все уже украдено до нас. Во-вторых, вы всерьез верите, что все эти палки и доски – гарантия покоя на Том Свете? Что это и есть мост к спасению души? Бросьте, Виктор! Вы что, в Бога не верите?

– Как раз-таки верю. И именно поэтому трепетно отношусь к христианским святыням!

– Эммм... А где вы здесь видите святыни? Единственная святыня, которую реально можно поругать и осквернить, находится здесь, – Берт ткнул меня пальцем в грудь. – И у большинства она изгажена настолько, что никакими свечками и висюльками уже не очистить.

– Но это же... А как же традиции, обряды?

– Вы – язычник, раз традиционные верования для вас дороже Истины.

– А вы... вы...

– Да. Гугенот недорезанный. И что вы мне сделаете? Предадите анафеме? Вы думаете, что я сектант и еретик, а на деле ересь проповедуете вы. Да еще к тому же рассуждаете, как средневековый схоласт. Да. Ладно, а теперь не мешайте мне, раз уж не помогаете. А к этому разговору мы еще вернемся.

И вот еще что. Извините меня и не сердитесь, пожалуйста. Тема немного щекотливая.

И он снова занялся разбрасыванием этого отвратительно-го хлама, то хватаясь за фотоаппарат, то рассматривая альбом. Наконец он достал из рыхлой земли череп, покрытый какими-то бурыми пятнами, пробормотал «увы, мой бедный Йорик» и встал, отряхиваясь.

– И здесь ничего. Ладно, идем дальше.

– А что вы положили в сумку?

– Вот, смотрите, – и Берт показал мне какую-то овальную штуковину, темную и ржавую.

– А что это?

– Реликвия. Продам ее на блошином рынке, – он вдруг рассмеялся. – Шучу. Рассмотрите ее подробнее и хорошенько запомните. Она пригодится в расследовании. Правда, не в этом.

Я все больше терялся. Конечно, у него опыт в подобных делах и огромный багаж знаний, но мне-то тоже было интересно! А он как назло разыгрывал из себя Холмса и молчал, снабжая окрестности сизым дымом.

Мы переместились к полуразвалившемуся сараю, в котором, как ни странно, на стенах еще висела кое-какая утварь.

– О, а вот это уже интереснее, – заметил Берт, осматриваясь по сторонам. – У вас есть фонарик?

– Продавцы унитазов не носят с собой фонари, – сухо ответил я.

– А зря. В глубинах этих устройств порой такое можно найти... К тому же, вы уже не работаете продавцом. Да. Ладно, будем осматриваться на ощупь. Я-то куда смотрел, старый осел? Все взял, а про фонарик забыл, – так что-то бормоча, Берт изучал обстановку.

Я же заскучал. Честно говоря, мои ожидания совершенно не совпадали с реальностью. Вместо того, чтобы погрузиться с головой в решение мистических тайн, мне пришлось довольствоваться лишь ролью наблюдателя.

– Чего же вы стоите, Виктор? – пыхтя и отдуваясь, спросил Берт. Он только что снял со стены старый велосипед, для чего ему пришлось изрядно постараться. – Помогите же мне!

– Зачем вам этот древний бициклет? Его даже нет на рисунках!

– Его-то нет, а вот кое-что на нем есть. Да что с вами? А! Понимаю, вы не знаете, с чего начать. Поэтому и считаете себя бесполезным созерцателем. Послушайте, друг мой, вы что, забыли свое детство?

– К чему вы это?

– А к тому. Вы же не сразу после рождения умели писать, считать и водить машину, так? И я вот тоже в свое время даже на горшок садиться не умел. Но я наблюдал, подражал, спрашивал. И пришло время, когда я сам стал генератором знаний, и теперь другие могут смотреть, наблюдать за мной и спрашивать. Взрослый, Виктор, отличается от ребенка только размером биомассы. Если вы не перестали

учиться и постигать новые вершины, то вы еще дитя.

– А если перестал?

– Тогда я спою по вам гимн «Вот уж многие святые отошли к тем берегам» и предам вас земле, ибо вы умерли.

– По-вашему выходит, что человек или ребенок или труп?

– Точно! К сожалению, мне приходится встречать сотни живых трупов среди людей. Они вроде ходят, таращат глаза и даже что-то жуют и издают звуки, похожие на человеческую речь, но это мертвецы, Виктор. Они перестали учиться, радоваться новым открытиям, а что самое страшное, *mon ami*, – они перестали этого хотеть.

Я в очередной раз поразился словам Штольца. А еще его умению рассказывать в двух словах философские трактаты, не отрываясь при этом от дела. Он прав, наверное... Но это было очень сложно принять. Он кромсал мои жизненные устои, как портной, вырезая из цельного куска ткани заготовку для нового платья. Этот бродяга-ученый наносил точные удары по самым столпам, по капитулам моего миропонимания. И я вдруг почувствовал гордость за себя, за то, что мне выпала честь жить в одно время с ним.

– Так что мне делать, Берт? – спросил я после недолгого молчания.

– Пока смотреть и спрашивать. Если спрашивать нечего – а такое бывает, когда человек либо знает все, либо абсолютно ничего – тогда просто смотрите. Как чужак, попавший в незнакомую языковую среду. Слушайте голоса Неведомо-

го, словно вы – индус в Финляндии. И если вы будете регулярно тренировать ваше восприятие, то вскоре запоете «Харе Кришна» по-фински.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.